

Предисловие

Такой феномен языка и мышления, как метафора, привлекает к себе внимание с античных времен. Именно как о языковом явлении пишет о ней Аристотель в сочинении «Поэтика», трактуя ее как перенос слова с изменением значения [Аристотель, 2017: 296]. Интересно, что он считал достойными особого внимания метафоры, основанные на аналогии, «произнесение которых сопровождается появлением некоторого познания, даже если этого познания раньше не было... потому что в этих... случаях как бы приобретается некоторое познание» [там же: 290].

Очевидно, что интерес к метафоре до сих пор не потерял своей остроты. Каждый новый этап развития философии и языкознания приносил с собой и новое осмысление этого понятия, его роли в языке и речи. Вместе с метафорой активно развивается и дискурсивная ориентация исследований метафорики, так как изучать метафору в отрыве от дискурса невозможно, что убедительно доказывают современные исследования. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы метафорам отводится особая роль в процессе осознания и вербализации взаимодействия человека с объективной реальностью, включающей материальный мир и социум, как способу

структурирования знаний, обработки, представления новой информации и формирования модели мировосприятия.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых СМИ в первые десятилетия XXI века на фоне широкомасштабной цифровизации постиндустриального общества. Читательский интерес к экономической жизни отдельных государств и мира в целом постоянно растет, повышается и уровень общей грамотности населения в специальных областях знания, что связано как с профессиональной деятельностью, так и с личными потребностями человека.

Основная цель данной монографии — показать, какие модели концептуальной метафоры являются постоянными элементами экономического дискурса немецкоязычных сетевых массмедиа, каким прагматическим потенциалом они обладают для формирования коллективных оценочных суждений, как и с помощью каких лексических средств этот потенциал реализуется и актуализируется в СМИ.

Монография состоит из предисловия, четырех глав и заключения.

Первая глава «Дискурс как объект лингвистического анализа» рассматривает динамику изменений лингвистической парадигмы с середины XX века до настоящего времени. Особое внимание уделяется качественному сдвигу в лингвистике, произошедшему во второй половине прошлого столетия, первопричиной которого стало отсутствие исчерпывающего ответа на вопрос: «Что следует считать минимальной единицей языка?» Представление о тексте как о некой последовательности

предложений разного объема, формы и содержания, составляющей основную единицу языка, привело к необходимости изучать подобные единицы на уровне более крупных трансфрастических образований, что позже стало интерпретироваться как дискурс-анализ. В главе освещается и специфика типологии дискурса как объекта междисциплинарных исследований.

Вторая глава «Постулаты когнитивной лингвистики в свете концептуализации картины мира цифровых СМИ» посвящена вопросам возникновения и развития когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. В главе рассматривается целесообразность объединения некоторых научных дисциплин (психология, лингвистика, искусственный интеллект и др.) в единую когнитивную науку, цель которой — описать процесс человеческого познания, определить и объяснить его закономерности. Особое внимание уделяется преимуществах научной деятельности, которая отражается в отечественных (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова) и зарубежных (Ч. Филмор, Дж. Лакофф) исследованиях.

В третьей главе «Концептуальная метафора в современной научной парадигме» описываются особенности интерпретации метафоры в русле когнитивного подхода как способа познания и передачи знаний из одной концептуальной области в другую (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Здесь же приводятся доводы в пользу выбора дескрипторной теории метафоры (А. Н. Баранов) как целесообразного и последовательного метода описания большого корпуса контекстов использования метафор. В связи с этим отмечается невозможность рассмотрения концептуальной метафоры в отрыве от дискурса и его экстралингвистической

составляющей (Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, А. Масолфф), так как именно ее экономические и социальные характеристики актуализируют смысл метафоры.

В четвертой главе «Типы моделей концептуальной метафоры в немецкоязычном экономическом дискурсе» представлен краткий обзор экстралингвистических факторов, обусловивших выбор временных отрезков для исследования: периоды общемирового экономического кризиса 2008–2013 гг. и посткризисного восстановления 2014–2019 гг. В главе подробно описываются метафорические модели, представленные в немецкоязычной прессе в указанный период, составляется и обосновывается их классификация, подкреплённая статистическими данными, обсуждаются закономерности функционирования наиболее частотных метафорических моделей, возможность признания их дискурсивными практиками данного вида дискурса. Не менее важно исследование прагматической направленности выделенных метафорических моделей и то, какими языковыми средствами пользуются участники дискурса для формирования определенных оценочных суждений у целевой аудитории.

В заключении монографии подводятся итоги исследования и формулируются перспективы его дальнейшего расширения.

Глава 1

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1.1. Динамика изменений лингвистической парадигмы с середины XX века до настоящего времени

С середины XX века лингвисты вновь стали задаваться вопросом, что же такое минимальная единица языка на самом деле. Конечно, эта тема волновала ученых и раньше. Действительно, на определенных уровнях языка фонема, слог, слово были и остаются значимыми языковыми единицами. Но очевидно, что ни морфология, ни фонология не способны дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Объекты отдельных лингвистических дисциплин (фонема, слог, слово, словосочетание и т. д.) к тому моменту были фактически полностью исследованы, что побудило ученых сделать следующий шаг и предположить, что языкознание как наука не может и не должно ограничиваться изучением только названных элементов.

Н. Хомский сделал допущение, что в языке есть и такие единицы, которые невозможно изучить полностью

из-за множества разноплановых компонентов, из которых они состоят. Он предположил, что всеобъемлющий учет данных компонентов невозможен, так как их набор в каждом конкретном случае меняется, приобретая новые формы, отражая новые смыслы [Chomsky, 2009: 63]. Эта мысль вызвала положительный отклик в научном сообществе, и многие научные исследования были направлены на определение и изучение новых лингвистических величин.

В 80-х годах XX века Т. ван Дейк, один из признанных пионеров теории текста, ввел в научный оборот понятия макро- и микроструктур, определив второе как слово, словосочетание или предложение, а первое — как сверхфразовое единство и/или текст [van Dijk, 1983: 189; 1985: 466–485]. С его точки зрения, изучение макроструктур должно было осуществляться на трансфрастическом уровне, поскольку именно некая последовательность предложений разного объема, формы и содержания, по сути, и составляет основную единицу языка. Далее Т. ван Дейк перешел к рассмотрению более крупных трансфрастических образований, которые в его интерпретации трактовались как дискурс [van Dijk, 2008: 27–65]. До этого лингвисты сосредотачивались в основном на изучении элементов дискурса, определении глобальных закономерностей их существования, количественном и качественном описании, но не ставили перед собой задачу рассмотрения текста как ядерного элемента дискурса в целом.

Согласно М. Л. Котину, язык как система достаточно легко поддается изучению. Речь как практическая форма реализации языка также может быть детально исследована, в том числе с помощью четких формализованных процедур. Однако основным при этом остается уровень

предложения [Kotin, 2007: 272]. Неудивительно, что языкознание изначально развивалось как наука о звуке, форме слова, предложении, но не как наука о тексте. Необходимо было изучить эти, по меткому определению М. Л. Котина, «нижние этажи» языка [Kotin, 2007: 262], чтобы иметь базу для построения системы более высокого уровня — теории текста. Наука о языке, сосредоточившая свое внимание на анализе структуры, сделала шаг по направлению к лингвистике текста, чтобы затем сделать следующий — к лингвистике дискурса [Kotin, 2007: 261–263].

В контексте сказанного целесообразно уточнить термины, которые будут использоваться в дальнейшем. Для концепции трансфрастического подхода в интерпретации ван Дейка общепринятыми понятиями являются «текст» и «дискурс» [van Dijk, 1980: I]. Они широко распространены в научном обиходе, но на данный момент не существует общепризнанной в научной среде дефиниции ни дискурса, ни текста. Без четкой дифференциации используются термины «тип текста», «вид текста», «форма текста», «вид дискурса», «тип дискурса», в связи с этим нет и однозначно сформулированных дистинктивных признаков текста/дискурса.

Некоторые ученые считают текст элементом только письменной речи [см., напр.: Гальперин, 1977: 72; 1981: 5], большинство полагают, что текст может существовать и в виде устного монологического высказывания [Виноградов, 1971: 69; Винокур, 1993: 84–86; Нестеров, 2000: 79], но есть и те, кто допускает, что текст может существовать и в форме диалога — по их мнению, именно текст способен реализовать любой речевой замысел.

Например, Л. В. Щерба в свое время отмечал первичность диалогической речи перед монологом [Щерба, 1915: 3–4].

Дискурс же, несмотря на то что он является одним из наиболее употребительных понятий в современных гуманитарных дисциплинах, и в частности современной лингвистике, тоже не имеет единой, признанной в научной среде трактовки. Учитывая многообразие определений этого понятия и позиций, исходя из которых исследователи дают эти определения, на данный момент сложно сделать выбор в пользу какого-либо одного. В современной научной риторике, посвященной дискурсу, вместо четких определений предпочитают описывать его, исходя из двух глобальных подходов: лингвистического и социокультурного.

М. Фуко предлагает рассматривать дискурс как интертекстуальный феномен, следовательно, как надтекстовую величину. Отметим, что в рамках его концепции дискурса речь идет об общих структурах, которые определяются скорее с культурно-исторических и социально-филологических позиций, нежели с лингвистических. При таком подходе текст понимается как конкретная форма проявления дискурса. Она поддается четкому описанию с точки зрения языкознания и при этом погружена в дискурс, заданный определенной темой [Фуко, 1996: 47–52; 2004: 64–72].

Одними из основных направлений современных исследований дискурса остаются выявление и описание отличительных черт отдельных его видов, поиск общих категорий, на основе которых удалось бы систематизировать представления о формах его существования. Именно

в этом ключе продолжают попытки найти общий знаменатель для всех дискурсов, который объединил бы вышеупомянутые разнообразные подходы.

Лингвистика текста как дисциплина начала формироваться в 60-х годах XX века. Так, П. Хартманн говорит о «намеренном сужении сектора обзора» лингвистических образований. Он полагает, что текст обладает дименсиональностью, то есть набором множественных характеристик, следствием которой является невозможность их систематизации. Для изучения текста П. Хартманн предлагает коммуникативно-прагматический метод, неоспоримым преимуществом которого является его ориентация на изучение текста с практической точки зрения — на то, как и где этот текст реализуется [Hartmann, Husband, 1974: 10–14].

Опираясь на традиционные положения генеративной теории, Я. Петёфи попытался создать формально-логическую систему знаков естественного языка и нащупать ее связь со структурной иерархией внутри предложения и текста, которая является обязательной и обладает наибольшей релевантностью [Petöfi, 1971: 277–309].

Согласно Я. Петёфи, в рамках лингвистики текста постепенно наметились два противоположных направления в его изучении. Суть первого подхода в том, что текст, подобно предложению, рассматривался как основная единица языка. В рамках второго подхода осмысливался коммуникативно-прагматический потенциал текста как некой языковой единицы, позволяющей участникам коммуникативного процесса с его помощью решать задачи, удовлетворяющие ожидания слушателя/читателя [Petöfi, 1971: 294].